

КРАСНЫЙ УГОЛ

РОМАН
ДАНИИЛ ГРОМОВ

Даниил Громов

Красный угол

<https://litres.ru/74300332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архивариус Сергей находит на рынке старого плюшевого медведя с пионерским галстуком. Игрушка оказывается ключом к засекреченному эксперименту НИИ «Детство». Теперь по всей России просыпаются советские игрушки, чтобы переделать мир. Сергей должен остановить их, пока его дочь не стала частью отряда. Но как бороться с врагом, который не убивает, а дарит любовь?

Даниил Громов

Красный угол

Глава 1: Объект «Улыбка»

Сергей Валерьевич Громов проснулся в шесть утра, как делал это последние семь лет, и первым делом посмотрел на потолок. Там, на побелке, расплзлась сырость в виде причудливой карты несуществующего материка. Он знал каждую трещину, каждую желтую каплю, которая то появлялась, то исчезала в зависимости от того, топили ли соседи сверху батареи. Сегодня материк выглядел особенно зловеще — он напоминал перевернутую голову медведя. Сергей моргнул, отогнал видение, и сел на кровати, скинув ноги на холодный линолеум.

Квартира на Арбате досталась ему от бабушки. Две комнаты с высокими потолками, лепнина на карнизах, которая по ночам отбрасывала на стены причудливые тени, и запах старой бумаги, смешанный с запахом кошачьей мяты — хотя кота у Сергея не было уже пять лет. Последний кот, Барсик, сбежал через форточку в тот же день, когда ушла Ирина. Тогда Сергей еще пытался шутить: даже животные не выносят его общества. Сейчас он уже не шутил.

Он прошел на кухню, налил в закопченный чайник воду, щелкнул кнопкой плиты. Старая индукционная панель жалобно загудела, и на секунду Сергею почудилось, что гул этот — не от трансформатора, а откуда-то из-под половиц. Он тряхнул головой. Последние два месяца он плохо спал. Сны были липкими, тревожными: ему снились бесконечные коридоры с красными ковравыми дорожками и детские голоса, певшие песни, которых он не мог вспомнить.

Он насыпал в кружку растворимый кофе — дешевый, горький, пахнувший не зернами, а пылью — и включил телевизор. Новости. Ведущий с неестественно белыми зубами рассказывал о пропаже мальчика в Восточном Бирюлево. Семилетний Паша Соколов вышел из школы и не вернулся. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как он зашел в парк аттракционов, но оттуда не вышел. Нашли только его рюкзак, а внутри — старого плюшевого зайца с оторванным ухом.

Сергей поморщился. Он не любил новости. Они всегда были либо про смерть, либо про то, как цены на гречку подскочили на два рубля. Он выключил телевизор пультом, но звук не исчез полностью. Где-то в глубине квартиры, за стеной, слышалось едва уловимое шипение. Радио. Кто-то из соседей слушал радио «Маяк» слишком громко. Или это просто старые трубы пели свою бесконечную песню о том,

как хорошо было в шестидесятых, когда дома строили на совесть.

Сергей оделся — джинсы с протертыми коленями, свитер с катышками, который он носил уже шесть лет, и старый кожаный пиджак, доставшийся еще от отца. Отец был военным, служил в ГДР, привозил оттуда джинсы и жвачку. Но потом отец ушел, как и все остальные. Мать умерла от рака в девяносто четвертом, и Сергей остался один. Он привык к одиночеству. Оно было теплым и понятным, как старый плед, которым он укрывался по ночам.

Он вышел из квартиры, спустился по лестнице, которая пахла сыростью и табаком, и оказался на улице. Арбатское утро было серым и влажным. Ноябрьский воздух лип к лицу, нес запах прелых листьев и выхлопных газов. Сергей закурил — давняя привычка, от которой он не мог отказаться, несмотря на уговоры Ирины и врачей — и направился к метро.

Библиотека имени Гоголя на Никитском бульваре была его убежищем. Там пахло книгами, там было тихо, и никто не задавал ему вопросов. Он работал архивариусом уже десять лет. Его кабинет находился в подвале, где хранились старые газеты, журналы, подшивки «Пионерской правды» и «Крокодила». Сергей любил эти запахи — кисловатый запах

пожелтевшей бумаги, запах типографской краски, которая выцвела за десятилетия, запах пыли, в которой лежали воспоминания миллионов людей.

Он сел за свой стол, включил настольную лампу и начал разбирать описи. Сегодня ему предстояло описать партию газет за 1986 год. Сергей взял первую папку, открыл ее и замер. На первой странице лежала фотография. Группа детей в пионерских галстуках стояла на фоне знамени. В центре, улыбаясь, стоял мальчик лет шести. У него были очень светлые, почти белые волосы и большие глаза, которые смотрели прямо в объектив — но не с детской радостью, а с какой-то взрослой, пугающей пустотой. Мальчик держал в руках плюшевого медведя.

Сергей почему-то не смог оторвать взгляд от этой фотографии. Медведь на снимке был странным. У него была слишком большая голова, непропорционально длинные лапы, и на шее — аккуратно повязанный красный пионерский галстук. Сергей провел пальцем по фотографии. Ему показалось, что он слышит слабый гул. Опять эти трубы. Или радиоприемник у соседа.

Он перевернул фотографию. На обороте было написано шариковой ручкой, старым почерком: «НИИ "Детство", испытания Объекта "Улыбка", май 1986. Коля, 6 лет. Связь

установлена».

Сергей хотел отложить фотографию, но пальцы не слушались. Он чувствовал странное возбуждение, почти животное любопытство. Что такое НИИ «Детство»? Он проработал в архивах десять лет, но никогда не слышал о таком институте. Он проверил базу данных — ноль результатов. Он проверил картотеку — пусто. Фотография была уникальной, сиротской, затерявшейся среди тысяч других пожелтевших листов.

Вечером он решил поехать на блошинный рынок в Измайлово. Это было его маленькое хобби, утешение для одинокого мужчины. Он покупал старые значки, граненые стаканы, пластмассовых солдатиков, неваляшек. В этой рухляди было что-то успокаивающее — она напоминала ему о детстве, о бабушке, о том времени, когда мир казался простым и понятным. Он собирал советский китч, заполняя им пустоту своей квартиры.

Ярмарка гудела. Сотни бабушек и дедушек сидели за складными столиками, предлагая прохожим свои сокровища. Запах старого тряпья, книжной плесени, перегара и жареных пирожков смешивался в воздухе, создавая тот особый, узнаваемый аромат московской барахолки. Сергей шел между рядами, иногда останавливаясь у прилавков, иногда

пропуская их мимо. Сегодня он искал что-то особенное. Что-то, что заполнит ту зияющую дыру, которая образовалась в его груди после ухода Ирины.

Он увидел медведя на дальнем прилавке, почти у самого забора. Тот лежал в углу, придавленный грудой дешевых елочных игрушек — стеклянных шаров без блеска, пластиковых сосулек и бумажных гирлянд. Медведь был большим, сантиметров сорок в высоту, с темно-коричневой, почти черной шерстью. Глаза у него были пуговичные, черные, но в одном из них Сергей заметил странный блеск — не стеклянный, а металлический, как будто из глубины глазницы смотрела крошечная линза.

Сергей подошел ближе. Медведь лежал на спине, его лапы были сложены на груди, как у покойника. На шее — тот самый красный галстук. Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил утреннюю фотографию. Тот же медведь? Он пригляделся — шерсть, длинные лапы, непропорционально большая голова. Да, тот самый. Или точная копия.

— Сколько? — спросил он у старухи-продавщицы.

Старуха подняла на него глаза. Они у нее были неестественно блестящими, почти светящимися, и Сергей на се-

кунду испугался, что она сейчас заговорит голосом из радиоприемника. Но она просто улыбнулась широкой, беззубой улыбкой и сказала:

— Пятьсот рублей, Серёжа.

Сергей вздрогнул. Она назвала его по имени. Он никогда не был на этом рынке, она не могла его знать.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил он.

Старуха пожала плечами и кивнула на медведя. — Он сказал, — просто ответила она. — Институтский он, Серёжа. Не лапай его без надобности. Он слышит.

Сергей хотел спросить, что значит «слышит», но старуха уже отвернулась и начала перебирать свои елочные игрушки. Он достал пятьсот рублей, положил на прилавок и взял медведя в руки. Игрушка оказалась неожиданно тяжелой. И теплой. Слишком теплой для ноября, слишком теплой для плюша.

Он понес медведя к метро, и весь обратный путь его не покидало ощущение, что за ним следят. Он оборачивался несколько раз, но в толпе не было ничего необычного — люди торопились по своим делам, не обращая на него внима-

ния. Но в ушах звенел тот самый гул, который он слышал утром. Теперь он звучал отчетливее. «Будь готов...» — шептал гул. «Всегда готов...» — отзывалось эхо.

Дома Сергей положил медведя на диван и сел напротив. Игрушка казалась безобидной — старый, потрепанный мишка с пуговичными глазами и красным галстуком. Но что-то в ней было не так. Он взял медведя в руки, пощупал шерсть — мягкая, теплая, почти живая. Он нажал на живот — пружинистый, упругий, как будто внутри была не вата, а что-то другое.

Он взял канцелярский нож и, колебавшись, разрезал шов на спине. Внутри не было опилок. Внутри была медная пыль — тонкая, липкая, пахнущая металлом, и паутина тончайших проводов. Сергей отдернул руку. Провода двигались. Они вибрировали, как струны, и издавали тихий, едва различимый звук. Он приложил ухо к спине медведя. Гул усилился. Теперь он мог разобрать слова.

«Отряд, смирно... Равняйся...»

Это был детский голос. Старый, шипящий, как запись с катушечного магнитофона. Сергей отшвырнул медведя на пол. Тот упал на спину и замер, но гул не прекратился.

Сергей позвонил Денису, своему единственному другу, айтишнику. Денис на том конце провода смеялся, пока Сергей описывал находку, но когда Сергей поднес телефон к спине медведя и тот произнес «Будь готов», смех оборвался.

— Серый, — сказал Денис тихо, — выкинь эту хрень. Прямо сейчас. В мусоропровод. Я не знаю, что это, но я слышал такие голоса в старых военных архивах. Это не игрушка. Это что-то другое.

Но Сергей не выкинул медведя. Он положил его на антресоль и закрыл шкаф. Гул стих, но в голове остался звон. Он лег на кровать, закрыл глаза и попытался уснуть.

Ночью он проснулся от холода. Батареи работали на полную мощность, но в комнате было ледяным, как в морге. Он сел на кровати, обвел взглядом комнату. Шкаф был открыт. Антресоль пуста. Сергей вскочил, включил свет. Медведь сидел в углу комнаты, на полу. Он сидел в позе лотоса, как буддийский монах, его лапы были сложены на коленях, а голова повернута к кровати. Из его пуговичных глаз сочился алый свет — тусклый, как тлеющие угли в печи.

Сергей хотел закричать, но горло перехватило. В голове раздался тот же голос, только теперь он звучал прямо внутри черепа, минуя уши. «Ты теперь наш, Серёжа. Ты слышишь

нас. Ты — звено». Сергей попытался отвести взгляд, но не мог. Алый свет затягивал его, как воронка, обещая тепло и уют. «Всегда готов», — прошептал голос, и рука Сергея сама потянулась к красному галстуку медведя.

Он коснулся ткани, и по руке от кончиков пальцев до локтя пробежала красная полоса — узор в виде пятиконечной звезды, проступивший прямо под кожей. Сергей закричал. На этот раз крик вырвался наружу, и он рухнул на пол, теряя сознание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.